

History and society

Тарих һәм җәмгыять

История и общество

POLISH-LITHUANIAN TATARS IN THE 17th-18th CENTURIES

Yakov Yakovlevich Grishin,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia,
grishin.42@mail.ru.

The article is devoted to the history of the Polish-Lithuanian Tatars in the 17th-18th centuries. Special attention is given to their emigration (osadnichestvo) in the denoted period of social differentiation, main occupations, discrimination and privileges, as well as their language, way of life, customs, traditions, and religion.

Key words: Polish-Lithuanian Commonwealth, the Crown, Tissenhaus, Ponyatovsky, osadnichestvo, Tatar settlements, Tatar army units.

It is commonly known that the first Tatar emigrants appeared in the eastern part of Europe in the 14th century. This emigration (osadnichestvo) to what is modern Belorussia and Lithuania was caused by the activity of great Lithuanian princes (mainly Vitovt) and Polish kings of the House of Jagiellons. Some time later the Tatars had settled in the Polish region of Podles'ye.

They had connected their lives with the Polish-Lithuanian Commonwealth, showing great loyalty to the country for centuries, including the hardest periods in its history (17th-18th cent.).

The processes took root in the 14th century and continued into the future: in the first place the osadnichestvo of the 17th century was considered to be its continuation.

In this case the Boudzyak Tatars should be mentioned. They rebelled against the Crimean khan, Guirey, and fled to the steppes of the Polish-Lithuanian Commonwealth. In the letter given to the great coronal hetman, Stanislav Kontsepolsky, on August 19, 1637 they declared the desire to

obey the Polish-Lithuanian Commonwealth, and asking for permission to settle. Permission was granted despite concerns that the location of the Boudzyak Horde in the Podol region could lead to a war with Turkey. This decision was then approved by the main legislative bodies – regional seyms and central Seym. Although the khan managed to persuade the Boudzyak Tatars to return, there remained 3-4 thousand Tatars on the territory of the Polish-Lithuanian Commonwealth. They started to serve in private magnate armies [1: 73-77, 110-111, 180-183].

Later, the Tatars joined the Polish-Lithuanian army as hirelings with local Tatars as their commanders.

The last huge influx of Tatars took place after the war with Sweden.

However the lodgings of the Tatars were regularly damaged in the wars which took place on the territory of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 17th century. At first the Tatar population of Lithuania started to leave their houses fleeing from

enemies, after that – it was for economic reasons. Those people were settling in magnate estates – *dobras* [2: 35]. The reason was the great demand for professional warriors in crown armies during the wars with Bogdan Khmelnytsky.

The second half of the 17th century saw the accession of the Muslim community of the Polish-Lithuanian Commonwealth by the emigrants from Turkey and even Albania who were serving at royal and magnate households.

However on the whole *osadnichestvo* of the Tatars to the Polish-Lithuanian Commonwealth in the second half of the 17th century was different: it was not so huge and the influx of captured Tatars was scarce. The way the Tatars were being treated was changing as well: they were taken as war prisoners, and rarely were they settled in isolation, but were mostly transferred to the king or magnates (more often to the Ukrainian). After forcible Christianization they were converted into bondmen servants or were used as manpower in the construction of castles, monasteries and churches [3: 42-43, 102-103, 21, 52, 168]. Some groups of Tatars were settling not only in the Russian province (in Poland) but also in the province of Krakow [4: 396-399, 67-68, 227-278].

Tatar settlements were now lodged in the royal *dobras*, in particular in such estates as Brest, Cobrino and Grodno. Leaping ahead, we can note that the most lasting emigration sites were located in Maloshevichi, Stoodzyanets, Krushenyani, Drakhla and Bokhoniki [5: 9].

The Tatars were not given any rights of property – they had to serve in the army. The fact that the land was transferred without Sejm permission had negative implications on the fate of the Tatars who had settled here, causing disputes on the validity of the Sobessky acts, and making the starting point of *osadnichestvo* controversial [2: 51].

The process of Tatars settlement, which was initiated by Jan Sobessky, was carried on by August II. It was a specific reward for help provided during the war with Karl XII and Stanislav Leshchinsky.

August III and Stanislav August were also accommodating the Tatars in the royal estates.

The political events of the first three decades of the 18th century had a great influence on the Tatar *osadnichestvo* in the Lithuanian principality including the royal colonies. The obliteration of the Tatar *dobras* in wartime, the movements of troops, confederation activity, the numerous raids and the support which the Tatars had given to the Sapegs in their struggle with the Lithuanian gentry had led

to some Tatars immigrating to Turkey. Their land was in turn possessed by those who had stayed.

As a result of these events there was a new property layout on those estates.

Meanwhile, new Tatars were arriving in the Polish-Lithuanian Commonwealth, though more rarely. These were mainly refugees from the Crimean Khaganate. However, those who had escaped from Russia were also seeking shelter here, but they did not manage to unite with the Tatar community of Lithuania [2: 69]. In general the whole 18th century was turbulent. The overall number of Tatars living in Lithuania was not increasing, moreover, the process of Tatar migration was remarkable. This mobility was supposed to improve the economic and legal situation of the Tatars living in the Polish-Lithuanian Commonwealth [5: 9], but in fact nothing changed.

After the division of Poland some families of the Baranovskiye and Ulani moved to Prussia, and tried to organize a separate Tatar regiment. The period of the Kostyushko rebellion and the Napoleon Wars resulted in even greater devastation among professional officers: a considerable part of these were Tatars.

The population of the Tatar settlements near Vilno, Kovno and Novogroodok was decreasing.

The Tatars preserved social stratification from the time of their settlement in the Lithuanian principality. They had traditional Khan titles brought from the Horde and Kipchak steppes. Princes, mirzas and lancers were placed at the top; the commoners were at the bottom [6].

Besides the different titles and ranks, gentle born Tatars had a system of titles depending on their occupations, for instance cavalry captains (*rotmistr*), ensigns (*khoroonzhy*) and mareshalks.

There were also other categories of Tatars in the Lithuanian principality. Among them were the so-called manor Tatars. They were privileged war prisoners who had relatives or blood brothers among the settled Tatars ready to give large ransoms to buy them off.

Later on, the manor Tatars were called land-owners.

A peculiar group of Tatars (if we talk about legal status) were those who lived in the magnate *dobras*, especially at the Radzivils and Sapegs. According to scholars, they did not form a socially and economically homogenous group. Some of them leased land and were engaged in private magnate militia service. New settlements were created with their help [3: 42; 5: 10, 11]. Other Tatars were valety kept at the gentleman households,

their own private settlements (17th to 18th centuries) or juridics [3: 42; 5: 10, 11].

Sobchak says that the new group of the Tatar population became prominent in the second part of the seventeenth century. They lived in the royal estates and their legal status was entirely different from that of the landowning Tatars.

We should also pay attention to the Tatar lower middle classes.

In the cities of those times the Tatar population consisted of a valuable and all-round type of immigrants. They were rather mobile, practised crafts, trade and gardening, were able to organize transportation, and had cattle breeding and crop farming households.

Since the foundation of the numerous private settlements in the 16th century and the first half of the 17th century many Tatar families had moved there, using tax-free privileges. Some families (from several to several hundred) lived in small towns such as Mish, Belitsi, Koidanoov, Smolevich, Poporch and others [5: 26].

At the end of the 18th century Tatar settlements developed in Vilno, Minsk, Slonim, Mizh and Ostrog while in Lakhovichi, Novogroudka and Eeva completely new settlements had appeared. At the beginning of the 19th century Tatar settlements were registered in Grodno, Oshmyani, Byala Podlyaska and Brest over Boog. However, the majority of large Tatar settlements were created outside cities [5: 28].

To end the topic of the social structure of the Tatar population, we need to pay attention to the group of common, ordinary people who served landowners and were captured during raids. They were settled in various places and had the lowest social ranks but in the 16th century they enjoyed full religious tolerance alongside other groups of warriors.

The Tatars who had moved to the Lithuanian principality were soldiers in flesh and blood. The war was the most important feature of their lives. The history of the Tatar hordes is a permanent struggle consisting of military operations. They fought courageously and with desire. When heat waves scorched down the steppe, they had to earn their bread in the neighboring districts. The rhythm of their work – household activities, sowing and harvesting – divided the life of the Tatars into the periods of war and peace [7: 125].

The period under consideration was no exception. At the beginning of the 17th century they took part in the Livonia war campaign [8: 25].

King Zygmunt III had presented the Lithuanian Tatars with land and villages for their valor and bravery in the struggle with the Swedes [9: 16, 337, 349, 361, 55-56].

In the 1620s they again took part in Livonian battles and in the period 1640-60 they were actively engaged in the Cossack wars, against the Swedes and in the war between Poland and Russia for Ukraine [9].

The civil war in Lithuania took place in 1694-1699. The Tatar army units played a large role, fighting on the side of the Sapegs. In the battles between the proponents S. Leshchinsky and August II (1700-1709), the Sapeg Tatars fought for Leshchinsky while the Crown Tatars supported the latter. In the battle near Kalish (1709) the Swedes and Sapeg cavalry, supported by many Lithuanian Tatars, fought against the Sassk, Russian and Crown Polish armies, which also had Tatar army units [5: 23; 7: 126].

Before the division of Poland the Polish-Lithuanian Tatars had put forward thousands of lower officers, hundreds of cavalry captains, dozens of colonels and only one general, Josef Bielak (1741-1794), from Novogroodok [10: 46-94].

After the third division of Poland the Tatars who had found themselves in the Prussian kingdom tried to establish a lancer regiment but their plans suffered a setback since the land offered to them for their service had to be leased. Besides this, the Lithuanian Tatars were offered a change in religion. The Prussian authorities did not legitimize their szlachta status.

Apart from army service the Lithuanian Tatars had also learned other trades. The conditions in which they lived destined them to be intermediaries between the old Polish-Lithuanian Commonwealth and Turkey with the Crimea. A common religion and common origins as well as the knowledge of language facilitated their communication with the people from the East, allowing them to succeed in diplomatic work. Apparently, it is not accidental that many documents often contain the names of Lithuanian Tatars as ambassadors, couriers, secretaries, interpreters and even bailiffs. Their merits were not always evaluated in the history of relations with the Eastern countries [11: 137].

Due to the loss of their native language the number of Lithuanian Tatars working as eastern languages interpreters is gradually decreasing.

The Lithuanian Tatars of the 18th century were more often couriers to the East rather than interpreters. Thus, a cavalry captain, Stephan Soukevich, was a courier to the Crimea in 1716. During

the times of the manorial confederation colonel Alexander Mustafa Koritsky was sent with the official visit to the Khochim pasha [12: 62, 46].

The Lithuanian Tatars were at times mediators when the Polish prisoners were bought from Muslim captivity.

Some sources tell us that the Lithuanian Tatars were often guides for foreign merchants.

The profession of interpreter was important but not so popular. Agriculture and especially gardening were the most popular at all times, however this was among Lithuanian Tatars who were not so rich [13: XXVI]. The Tatars had their own small pieces of land "restricted only by the manor land", but cultivated them with perfection, having the biggest success in gardening [13: XXV].

One of the most profitable sources of income for the Tatars was the transportation of goods (fourmanstvo). Their businesses flourished so well that they became almost monopolistic. The Tatars were honest and punctual intermediaries among the most remote towns and villages which were of paramount importance, bearing in mind the poor road systems and the lack of security.

The Lithuanian Tatars loved more than agriculture, gardening and transporting goods. The Lithuanian statute of 1588 pointed to another occupation – leather tanning. Moreover, all serious sources of the 16th-17th centuries unanimously claimed that tanning was the main Tatar occupation. They were renowned professionals in this sphere who had a masterful command of production engineering. Apart from the above-mentioned, the Tatars were fond of livestock breeding, especially the raising of horses. Hardly anyone could compete with the Tatars in this activity, and their herds had many advantages compared with the herds of others. Not only could they rear animals and take care of them, but they also trained the horses masterfully. What is more, these traditions were preserved till the 1930s [13].

Apparently, it was not accidental that there were horse doctors among the Tatars in big cities; they were uncertified quacks. In fact, it was a frequent occurrence which means that they had huge empirical knowledge.

The Lithuanian Tatars were also petty tradesmen of vegetables, fish and meat. However was rather challenging as such trades were not available to everyone [13: XXV].

The Tatars were urbanizing and becoming lower middle class, and serving in the city militia which was created in the middle of the 17th century. The connection of some Tatars to nobility

gave them the opportunity to be assessors of territorial and city courts as well as boundary judges.

Talking about the life of the Tatars, it should be noted that it was not trouble-free. They were at times persecuted and exposed to discrimination. The evidence for this is found in the documents.

Accusations against the Tatars were insinuated and supported by their foes. In this regard it is expedient that we mention the work of N.Chizhevsky under the title "Al – the Tatar fourkan, divided into 40 parts" (1616), the place of publication of which is unknown. According to the Acts of the Lithuanian Tatars, this book was full of false accusations against the Tatars in all possible superstitions and even crimes [13: XX].

Another attack on the Tatars took place in 1766 during the inspection of the royal estates initiated by the Lithuanian treasurer, Tissenhaus, who had been the chairman of the economic *dobras* administration. He organized auditing which led to court trials, petitions, arguments and complaints which ended only with the division of the Polish-Lithuanian Commonwealth.

It was natural for the Tatars to protest against these measures. They managed to get support from Ksavery Branitsky, a soon-to-be Great Crown hetman in whose troops many of the Tatars fought against the manor confederation.

In 1778-1779 there was another misunderstanding between the authorities and the Tatars. The reason for this was the demand of Tissenhaus that the Tatars pay the quarter arrears from 1768 to 1775. It caused a new wave of requests and complaints from the Tatars who lived in the royal estates. One of such requests contained the signature of one of the first Lithuanian Tatars, General Josef Bielak.

In July 1779, the Tatars were supported by the King's brother, Stanislav Ponyatovsky, under whose guidance served Colonel Azulevich and Colonel Branitsky.

The result of all this was that in October 1779 the King liberated the estate Tatars from paying quarter arrears.

The problem was finally settled by the Sejm Constitution of 1786 according to which all possessions of the Tatars in the estates were declared hereditary. The administration of the estates was granted the right to buy off the land occupied by the Tatars. Moreover, the Tatars could now settle in the two elderships – in the Crown and Lithuania.

The question of buying off Tatar lands was reconsidered by the Sejm in 1793. A special Committee consisting of three people was created, its

main aim being the evaluation of the lease price of the land that the Tatars occupied, their real incomes, and looking for the land which corresponded to their income. However, the Committee's work was disrupted by political events [3: 57].

However, the most striking example of the discrimination of the Tatars was that they were not granted the status of *szlachta*.

None of the legal acts had treated the Tatars as the noble *szlachta*. Irrespective of their religion, the Tatars were not members of the regional seyms, did not execute any governing functions and had no right to do so. The socio-legal difference between them and *szlachta* is often underlined in the acts of the regional seyms. From the time that the Tatars were unable to become members of the Sejm, their only right was to apply with requests and demands. From 1786 they did this through the intermediary of the Military Department [14: 355].

Talking about the discrimination of the Tatars, it should be noted that at times they enjoyed some privileges. Such privileges were granted to them by Vladislav IV and later confirmed and even extended by all his successors – Y. Sobessky, August II, August III, and finally by Stanislaw August Poniatovsky who had ordered in 1779 the issue of an extract from the Lithuanian state office metric, endorsing it with the state seal [6: 466-467]. Besides that, the rights and liberties of the Tatars were guaranteed by the Constitutions of 1656, 1668, 1670, 1673, 1674, 1677, 1678, 1726, 1736 and finally 1775.

These Constitutions stated the right of the Tatars to sell their land property, to bestow, exchange, give it in pledge or capitalize on it in any other way. The Acts of the Lithuanian Tatars contained a great deal of documents which referred to the wide range of transactions with land property.

After the incorporation of the Lithuanian provinces to the Russian Empire the position of the Tatars remained unchanged. All the subsequent laws protected and favoured the Tatars. Empress Katherine II by the Supreme decree of 30th October, 1794 ordered the governor general prince Nicolai Vasilyevich Repnin not to leave Lithuanian Tatars without provision: "Entrusting the duty of military affairs, I request thee not to neglect the Tatar troops settled in the Lithuanian districts as they come from gallant and open-minded ancestry thus deserving Our Highest ministering of them since We hope to find in them the good-heartedness for which they are famous. In this regard We delegate

thee, having taken their oath of loyalty together with the Lithuanian residents, to confirm their privileges and property as well as to encourage them with Our high promise of full freedom of their faith and of even happier state of their affairs than they possess at the moment in Lithuania. We are waiting for your final statement that you, having studied this document, have found possible ways to enhance their benefit and advantages" [15: 572, 845].

A new confirmation came in December 1795. It was done by Paul I (November 1796) soon after the death of Katherine II.

In 1797 the new 10 squadron cavalry regiment was made up from the Lithuanian Tatars – it was called Pinsky [15: 523].

In two years there came another decree which had secured the status of different peoples in the province of Lithuania [15: 573].

The Lithuanian Tatars did not constitute a separate isolated ethnic group; they lived with the Byelorussians and Lithuanians with almost no difference between them, without even calling themselves Tatars. "We are not Tatars – they said – but noble Muslims who are called Tatars only by peasants" [13: XXII].

As they lived with other peoples (Poles, Byelorussians, Russians and Lithuanians), the Tatars had completely forgotten their mother tongue which is well explained since Russian was not only the official language of governance but also dominated the economic and daily life of the vast part of the Great Lithuanian principality. All documents of this part of the Polish-Lithuanian Commonwealth were in Russian until the 17th century except only for the Podlyassk voivodship where the Polish language had been earlier introduced by the local seym.

The loss of language was also explained by the fact that the Tatar men were marrying non-Muslim women [5: 32].

The influence of Russian terminated at the end of the 16th century. At the start of the following century the processes of colonization affected Muslims, especially the Tatar nobility – the landowners. These landowners had had the strongest contacts with the Polish neighbors and their culture and had served in the King's or magnate's armies. As Y. Tishkevich has written, the majority of the Polish-Lithuanian Tatars (75%) used Polish-Lithuanian signatures in the second half of the 17th century with this process intensifying in the following century. Education in the Lithuanian principality was conducted in the Polish language but it

was still mostly optional. The parents of the pupils of the parochial schools could have chosen either Russian or Lithuanian for their children instead of the Polish language. There was great demand for a good command of Arabic and its writing system.

According to the author, after the first period of Russification (both language and culture) there came another period which supported the Polish language, individual assimilation, and the transition into Christianity (in the 17th to early 18th centuries) [5: 32].

At the same time the Tatars managed to retain their own identity, especially the richest landowners.

The facial features of the Tatars also attested to the fact that they came from the East.

As Mukhlinsky says, the Tatars were mostly tall, dark-haired and of slender build, with a tawny complexion, regular facial features and an impressive bearing. The women's complexion is becoming much fairer compared with their great-grandmothers. The trait which also gets attention is their modesty [16:47-49].

Concerning clothes, in the Acts of the Lithuanian Tatars they are described as no different from those of the neighboring Byelorussians and Lithuanians, though the Tatar women preferred a motley of colors for their garments. The relative prosperity of the Tatars could be seen in what they wore as they did not put on bast shoes (*lapy*) like almost all Byelorussians. Instead of this they wore high boots while women and girls paraded in shoes with red and yellow heels [13: XXIII].

The Tatars who lived in villages would build houses, barns and other household buildings in the universal style of their region. Relatively rich Tatars divided their houses into two parts – bright and dark: the first had a wooden floor and was used as a room for guests, for family parties, etc. The latter had a clay floor, and was half-dark, serving as the place to do all the household chores. A poor Tatar usually had a single-room house but the room did not even have a chimney.

The interior was similar to one of the houses of the peasantry or petty nobility.

Tatar manors were always fenced and had front gardens with the usual countryside flowers. Every house also had a garden with fruit trees.

According to the Acts, Lithuanian Tatars lived could assert their high cultural level in the general environment, despite the fact that there were also illiterate people [13: XXII].

Lithuanian Tatars, being Muslims, rigidly observed monogamy.

However there existed mixed and even kin marriages. Kin marriages were often made between families who were familiar with each other in the Crimean Khaganate, especially in the 17th to 18th centuries. The so-called *Kitab* by Milkamovich had the order to contract marriages only between Muslims. That is why it can be said that the core of the society of Polish-Lithuanian Tatars was formed entirely by Muslim families [17].

As for the personal qualities of the Tatars, both the Acts and Mukhlinsky appreciate them highly. These sources emphasize such qualities of the Tatars as a gentlemanly manner, humility and restraint, hospitality, amiability and tenderness, common sense and diligence. They are distinguished by remarkable honesty, an unfaltering redemption of their promise and cool-headedness. They usually live in accordance with others without losing their own identity, they are delicate and humane with their children and wives, and compare favourably with their neighbors – representatives of Christian *szlachta* [18: 641; 13: XXV]. Quarrelling and animosity rarely occur among them. As Mukhlinsky says, there were almost no cases of serious crime among the Tatars [16: 36, 48, 49].

One of the main features which distinguished them from others was the religion which they had managed to preserve since their appearance in the Great Lithuanian principality. This sphere of their life had always drawn close attention.

During life in Lithuania the Tatars practised Sunni Islam.

According to the traditions of tolerance, the first mosques appeared in places with dense populations of Tatars.

Approximately 20 new sanctuaries were built alongside the earlier built mosques in the 17th to 18th centuries.

It is pointed out in the Acts that the mosques in the Tatar settlements had been plain buildings, mostly built of wood.

Mosques and oratories were unique centres of Tatar religious life, in regional Muslim communities.

Every Muslim community was headed by a mullah (imam). The word “imam” was used very rarely in Lithuania. Different sources usually used the word “molna” instead of “mullah”, and less frequent were “Tatar ksendz” and Tatar pope”. As a rule, he was chosen by the Muslim congregation. In the 16th to 17th centuries some mullahs came from the Crimea as they were more educated.

However it should be noted that the vast majority of ministers were home educated.

The mullah was an authorized delegate of his congregation and their representative in relation to different governing agencies. This post was usually occupied by an elderly person who could read and write in Russian and had a fairly good command of Arabic.

The mullah acted as a notary, validating wills, letters of trust and storing documents. From the 16th century he administered civil acts: the registration of marriage and birth. Tatar priests regularly received fealty from their coreligionists in the army or court. Mullahs were also granted the right to execute some judicial functions such as rebellions against parents, litigating property controversies among the Muslims on last wills or inherited property, etc. However in reality the people would rarely go to a mullah, preferring to take legal recourse [13: XXV].

Beside mullahs, some parishes also had muezzins. They proclaimed the call for praying in mosques either from a minaret (where one existed) or going along the streets. It was done to encourage all the believers to visit the sanctuary, moreover, the muezzin's voice could not be heard in the remote dwellings of the city [19: 251-252, 256-257].

Over the course of history Muslims were provided with religious literature. Apparently, it is not by coincidence that even at the end of the 16th century calligraphed handwritten texts of the Koran were found in Lithuania. There were also prayer collections and other religious works translated into the Polish language. Among these works there occurred books written in the Russian-Lithuanian and Russian-Ukrainian parlances, moreover, according to Mukhlinsky, "their amount was so large that a small-scale library could have been made up of those books, which as well proves that our Tatars were fond of sciences and some of them were literate in Muslim theology" [16: 29].

The Tatars were the only adherents of the faithful variant (Sunni) of Islam in the Polish-Lithuanian state. Being relatively large in number, the group of Lithuanian Tatars kept in touch with their blood brothers from the Crimea and Volga region, and led their religious life on the grounds of fundamental legal principles and customs. It may be said with confidence that the Polish-Lithuanian Tatars had succeeded in preserving their cultural ethnic identity over centuries mainly due to the cultivation of Islam. Religion solidated them in municipalities, allowing the Tatars to preserve their unique ceremonies, to contract mar-

riages within their closed circle of the same faith [20: 281-282].

On ending the article, we should note that the Tatars had never constituted a more or less profound entity among the other ethnoses. They had never laid any claims to political independence. It was evidently no coincidence that the indigenous residents had always lived with them in peace and accord.

For their part, the Polish-Lithuanian governments, wasting much force and energy for the struggle with the main enemies of their national identity – orthodox Russians and Jews – set a high value on the qualities of the Tatars, taking them as loyal performers of their will. The authorities eagerly granted them various liberties and rights extending their patronage to the Tatars. The same was done by czarist administrations after the divisions of the Polish-Lithuanian Commonwealth.

References

1. *Baranowski B.* Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632 – 1648, *Prace Instytutu Historycznego Uniwersytetu Łódzkiego*, 1949. S.73-77; tenże, *Organizacja wojska polskiego w latach trzydziestych i czterdziestych XVII wieku*. Wrocław, 1957. S. 110 – 111; *Rocznik Tatarski*. Book I. 1932. 364 s. (in Polish).
2. *Sobczak J.* Położenie prawne ludności Tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewskim. Warszawa. 1984. 133 s. (in Polish).
3. On ze. Tatarzy w służbie Rzeczy Pospolitej w drugiej połowie XVII w. i w XVIII wieku. *Czasopismo prawno-historyczne*. T. XXXIX. 1987, zeszyt 1. S. 42 – 43; *Łoziński W.* Życie polskie w dawnych wiekach, Kraków. 1974. 259 s.; *Czapliński W.* Długosz J. Życie codzienne magnaterii polskiej w XVII w. Warszawa. 1976. 266 s. (in Polish).
4. *Żdan M.* Kilka słów o śladach Tatarszczyzny na terytorium województwa lwowskiego, *Rocznik Tatarski* t. 2, 1935. P. 396 – 399; *Jacewicz A.* Zapomniana wieś tatarska Ochmatków, *Życie Tatarskie*, 1936. nr. 3. S. 67 – 68; *Kryczyński*, *Tatarsko-tureckie osadnictwo na ziemi mieleckiej*, *Rocznik Tatarski*. T. 1. 1932. S. 227 – 278. (in Polish).
5. *Bogdanowicz L., Chazbijewicz S., Tyszkiewicz J.* Tatars musulmani w Polsce. Gdańsk, 1997. 204 s. (in Polish).
6. *Lappo I.I.* Velikoye knyazhestvo Litovskoye za vremya ot zaklyucheniya Lyublińskoy Unii do smerti Stefana Batoriya (1569 – 1586). Saint-Petersburg, 1901. Book 1. 780 s. (in Russian).
7. *Kryczyński S.* Kronika wojenna tatarów litewskich. Przegląd Humanistyczny. 1984. № 2. S. 119-123 (in Polish).

8. *Herbst S.* Wojna inflancka 1600 – 1602. Rozprawy Historycznego Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. Book XIX. Z.2. Warszawa. 1938. 194 s. (in Polish).
9. *Dziadulewicz S.* Herbarz rodzin tatarskich w Polsce. – Wilno. 1929. S. 337, 349, 361; *Kukiel M.* Zarys historii wojskowości w Polsce. Kraków 1929. S. 55 – 56. (in Polish).
10. *Kryczyński S.* General Józef Bielak. "Rocz. Tat." Book 1. 1932. 364 s. (in Polish).
11. *Baranowski B.* Znajomość Wschodu w dawnej Polsce do XVIII wieku. Łódź, 1950. 516 s. (in Polish).
12. *Konopczyński W.* Polska a Turcja. Warszawa. 1936. *Kryczyński L.* Tatarzy polscy a wschód muzułmański. Rocznik Tatarski. Book II. S. 1-130 (in Polish).
13. *Acti o litovskikh Tatarakh.* Book XXXI. Vilna, 1906. 66 s. (in Polish).
14. *Sobczak J.* Z zagadnień spornych osadnictwa tatarskiego w Wielkim Księstwie Litewskim. Acta Baltico-Slavica XIX. 1990. S. 341-360 (in Polish).
15. *Polnoye sobraniye zakonov.* Book XXXIII. № 17, 264. P. 572 and Manifest ot 14 dekabrya 1795 goda №17, 418. S. 845. (in Russian).
16. *Mukhlinsky A.* Issledovaniye o proiskhozhdenii i sostoyanii litovskikh tatar. Saint-Petersburg, 1887. 56 s. (in Russian).
17. *Lapicz Cz.* Kitab tatarów litewsko-polskich. Toruń, 1986. (in Polish).
18. *Dovnar-Zapolsky M.* Gosudarstvennoe khozyaistvo Velikogo Litovskogo knyazhestva pri Yaguelonakh. Book 1. Kiev, 1901. 807 s. (in Russian).
19. *Muchliński A.* Zdanie sprawy. №4. 137s (in Polish).
20. *Tyszkiewicz Jan.* Tatarzy na Litwie i Polsce. Warszawa. 1989. 343 s. (in Polish).

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИЕ ТАТАРЫ В XVII–XVIII ВВ.

Яков Яковлевич Гришин,

Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18,
grishin.42@mail.ru.

Статья посвящена истории литовско-польских татар в XVII–XVIII веках. Особое внимание уделено их осадничеству в означенный период социальной дифференциации, основным профессиям, дискриминации и привилегиям, языку, быту, обычаям, религии.

Ключевые слова: Речь Посполитая, Корона, Тизенгауз, Понятовский, осадничество, татарские добра, татарские хоругви.

Как известно, первые татары-поселенцы появляются в восточной части Европы в XIV веке. Творцами их осадничества, охватывающего территорию ныне существующих Белоруссии и Литвы, были великие литовские князья (в первую очередь Витовт) и польские короли из династии Ягеллонов. В более поздний период татары появляются и на землях польского Подлясья.

Они связали свою судьбу с Речью Посполитой и оставались ей верны на протяжении многих веков, в том числе и в сложные периоды ее истории (XVII–XVIII вв.)

Процессы, начатые в XIV веке, продолжают и в последующем. Речь в первую очередь идет об осадничестве, которое продолжалось и в XVII веке.

В данном случае особо следует сказать о будзякских татарах, взбунтовавшихся против крымского хана Бахадура Гирея и сбежавших в степи, принадлежавшие Речи Посполитой. 19

августа 1637 года в письме, врученном великому коронному гетману Станиславу Концепольскому, они декларируют готовность подчиниться польско-литовскому государству, прося позволения поселиться в его границах. Несмотря на опасения, связанные с тем, что размещение на Подоле Будзякской орды могло вызвать войну с Турцией, просьбу принимают благосклонно. Затем по этому вопросу высказались сеймики и сейм 1638 года. Тем не менее хану удалось склонить будзякских татар к возвращению. Однако на территории Речи Посполитой их осталось от 3 до 4 тысяч. Они стали нести службу в частных магнатских хоругвах [1: 73–77, 110–111, 180–183].

В дальнейшем татары пополняют армию польско-литовского государства в виде наемных солдат. Многие местные татары становились для них командирами.

Последний большой наплыв татар имел место после войны со Швецией.

Вместе с тем войны, ведущиеся на территории Речи Посполитой в середине XVII века, были связаны с разрушениями, в результате которых дома татар и их хозяйства несли большой урон. Живя в Литве, татарское население, вначале убегая от неприятеля, а далее по экономическим причинам начинает покидать свои насиженные места, уходить и оседать в магнатских добрах [2: 35]. Это было вызвано с потребностями в профессиональных воинах, которые возникли в ходе войн с Хмельницким в коронных войсках.

Во второй половине XVII века мусульманская общность в Речи Посполитой пополняется эмигрантами из Турции и даже Албании, находивших службу при королевских и магнатских дворах.

В целом осадничество татар в Речи Посполитой во второй половине XVII века меняет свой характер: миграция уже не является массовой, а наплыв татарских пленников был небольшим. Меняются и принципы обхождения с татарами: взятые в неволю, они редко поселялись в татарских осадах в Литве, в большинстве своем передавались королю, а также магнатам (чаще украинским). После насильственной христианизации их превращали в подданных холопов, либо использовали как рабочую силу при строительстве замков, монастырей и костелов [3: 42-43, 102-103, 21, 52, 168]. Определенные группы татар оседают в тот период не только в русском воеводстве, но и в Краковском [4: 396-399, 67-68, 227-278].

Их начинают селить в королевских добрах, а именно в экономиях: брестской, кобринской и гродненской. Забегая вперед, отметим, что с тех лет осады дольше всех продержались в Малошевичах, Студзянце, Крушынях, Драгле и Бохониках [5: 9].

Владения татарам не давались в собственность, тем не менее они должны были нести воинскую службу. Факт, что земля передавалась без согласия сейма, негативно сказался впоследствии на судьбах поселившихся на этих землях татар, вызывая споры о характере и правомочности актов Собесского, то есть момент начала осадничества стал спорным [2: 51].

Начатый Яном Собесским процесс поселения татар продолжался Августом II. Это была своеобразная награда за помощь в войне с Карлом XII и Станиславом Лещинским.

Поселял татар в экономиях и Август III. Осадничество татар в королевских экономиях

имело место и позднее во времена Станислава Августа.

Большое влияние на татарское осадничество в Великом Литовском княжестве, в том числе и королевских колониях, оказали политические события первых трех десятилетий XVIII века. Уничтожение татарских добр в ходе войны, передвижение войск, деятельность конфедерации, набеги, ответ за поддержку, какую татары оказали Сапегам в борьбе с литовской шляхтой, привели к тому, что часть татар решилась на эмиграцию в Турцию. Их земли переходили к тем, кто оставался на месте.

В результате тех событий изменяется картина владения в этих экономиях.

Тем временем в Речь Посполитую прибывали новые татары, хотя уже не так часто. Это были главным образом беженцы из Крымского каганата, хотя искали здесь также убежище и беглые из России. Однако эти татары не вошли союз с татарским населением Литвы [2: 69]. Вообще, весь XVIII век для татарского осадничества был бурливым. Уже не увеличивается число татар, живущих в Литве, более того, очень заметным становится процесс миграции татарского населения. Эта подвижность должна была улучшить экономическую и правовую ситуацию татар, живущих в Речи Посполитой [5: 9], однако этого не происходило.

После разделов Польши некоторые семьи Барановских и Уланов подаются в Пруссию, пытаясь организовать там отдельный татарский полк. Период восстания Костюшко и наполеоновских войн принес дальнейшее опустошение в рядах профессиональных офицерских кадров, в которых татары составляли относительно большое число.

Продолжали численно сокращаться татарские местечки под Вильно, Ковно и Новогрудком.

С момента появления татар в Великом Литовском княжестве у них сохраняется социальное расслоение. Здесь традиционно выступают ханские титулы: почетные чины, принесенные с Орды и Кипчакии. На высшей ступени стояли князья, мурзы, уланы, на низших – простолюдины [6].

Кроме титулов, чинов, родовитые татары имели с давних времен и звания в соответствии с занимаемыми должностями. К ним следует отнести ротмистров, хорунжих и маршалков.

В Литовском Княжестве имелись и другие категории татар. Среди них выделялись так называемые господские татары. К ним относили

пленных высшей категории, которые имели среди оседлых татар в Литве своих родственников, соплеменников либо побратимов, способных дать за них большой выкуп.

С течением времени господские татары стали называться татарами-землевладельцами (помещиками).

Особую группу с точки зрения правового положения составляли татары, жившие в магнатских добрах, в первую очередь Радзивиллов и Сапегув. Они, как полагают исследователи, не были однородной группой (с точки зрения социальной и экономической). Одни из них арендовали земли, за что привлекались к службе в частной магнатской милиции. С их помощью, в частности, создавались новые поселения [3: 42; 5: 10, 11]. Другие являлись челядью, содержащейся при панских дворах, в XVII и XVIII вв. в собственных частных местечках либо юридиках [3: 42; 5: 10, 11].

Во второй половине XVII века, как пишет Собчак, выделяется новая группа татарского населения – живущая в королевских экономи́ях, правовая ситуация в отношении которых отличалась от располагавших земельными владениями татар.

Нельзя обойти вниманием и такую группу татар, как мещане.

В тогдашней фазе развития города татарское население являлось ценным и всесторонним типом осадников: оно было подвижным, татары умели наладить ремесло, оказать транспортные услуги, заняться торговлей и огородничеством, организовывать одновременно растениеводческие, животноводческие хозяйства.

В период основания в XVI – первой половине XVII в. многочисленных частных местечек многие татарские семьи переселяются в них, пользуясь долгие годы освобождением от налогов. От нескольких до нескольких сот семей встречается в малых городах: Мыш, Белицы, Койданув, Смолевиче, Попорче [5: 26].

В конце XVIII века татарские поселения развиваются в Вильно, Минске, Слониме, Миже, Остроге, вместе с тем формируются совершенно новые общности в Лаховичах, Новогрудке, Иве. В начале XIX века в расчет входят еще Гродно, Ошмяны, Бяла Подляска, Брест над Бругом. Однако большинство крупных татарских поселений оставалось и создавалось за пределами городов [5: 28].

Завершая разговор о социальном составе татарского населения, обратим внимание еще на одну группу татар: рядовых, простых, взя-

тых в плен во время набегов как подданных землевладельцев. Их расселяли повсюду, они имели самые низкие позиции, хотя в XVI веке пользовались, наравне с другими группами воинов, полной религиозной толерантностью.

Татары, прибывшие в Великое Литовское княжество, были «от плоти и крови солдатами». Война была важнейшим элементом их жизни. История татарских орд – это непрерывная картина борьбы и военных действий. Татары воевали вдохновенно и с постоянной необходимостью. Когда жара выжигала степь, требовалось идти добывать хлеб в соседние края. Ритм занятий хозяйством, посевом, уборкой делил жизнь татар на периоды покоя и войн [7: 125].

Рассматриваемый нами период не был исключением. В начале XVII века они участвуют в кампании в Ливонии [8: 25].

За заслуги в борьбе со шведами и проявленное мужество король Зигмунт III подарил литовским татарам различные деревни и земли [9: 16, 337, 349, 361; 55-56].

В 20-е годы XVII века они вновь участвуют в сражениях в Ливонии, в 1640-60-е годы их активно используют в казацких войнах, вновь в борьбе со шведами, в войне Польши с Россией за Украину [9].

В 1694-1699 гг. в Литве идет гражданская война. В ней большую роль сыграли татарские хоругви, воевавшие на стороне Сапегов. В столкновениях между сторонниками С.Лещинского и Августа II (1700-1709 гг.) татары-сапеговцы держали сторону первого, а коронные татары второго. В битве под Калишем (1709 г.) шведы и сапеговская конница, с большой долей литовских татар, сражались против сасских, российских и коронных польских войск, имевших также татарские хоругви [5: 23; 7: 126].

Перед разделами Польши польско-литовские татары выдвинули из своих рядов тысячи низших офицеров, сотни ротмистров, десятки командиров полков и только одного генерала Юзефа Беяка (1741-1794 гг.) из-под Новогрудка [10: 46-94].

После третьего раздела Польши часть татар, оказавшись в Прусском королевстве, попыталась организовать уланский полк, но у них из данной затеи ничего не получилось, ибо земля, которую им предлагали за службу, должна была быть арендной. Кроме того, литовским татарам предлагалось изменить веру. Прусская власть не легитимировала им шляхетство.

Помимо воинской службы литовские татары освоили и другие профессии. Сами условия, в которых они жили, предназначали их к роли посредников между старой Речью Посполитой и Крымом с Турцией. Общие религия и происхождение, а чаще всего и знание языка облегчали им сближение с людьми с Востока и позволяли им заниматься дипломатической работой. Очевидно, не случайно, что в документах нередко встречаются фамилии литовских татар в роли послов, гонцов, секретарей, переводчиков и даже приставов. Их заслуги не всегда были оценены и в истории отношений с Востоком [11: 137].

В связи с утратой литовскими татарами знания родного языка, их число на должностях переводчиков восточных языков с течением времени сокращается.

В XVIII веке встречались татары с Литвы, но уже не как переводчики восточных языков, а как гонцы, посылаемые на восток. Так, в 1716 году ездил в Крым ротмистр Стефан Сулькевич. Во времена барской конфедерации полковник Александр Мустафа Корыцкий высылался к Хочимскому паше [12: 62, 46].

Литовские татары временами выступали как посредники при выкупе польских пленных из мусульманской неволи.

В источниках часто можно встретить сообщения о том, что литовские татары находились при иностранных купцах и служили проводниками.

Несомненно, что профессия толмача была важной, но не массовой. Зато земледелие, а особенно огородничество и садоводство, являлись истари главным любимым занятием литовских татар [13: XXVI] – естественно, небогатых. Татары имели свои небольшие участки «иногда ограниченные только усадебной землей», но обрабатывали их в совершенстве, особенно значительных успехов они достигли в огородничестве [13: XXV].

Прибыльную статью дохода литовских татар представляло «фурманство», занятие извозом. В этом отношении они поставили дело так хорошо, что извоз стал почти монополией татар, без которых тогдашняя торговля не могла обойтись. Причем они являлись честными и аккуратными посредниками между самыми отдаленными городами и местностями, что при тогдашнем бездорожье и при отсутствии внутренней безопасности имело большое значение.

Литовские татары с любовью занимались не только землепашеством, огородничеством и

фурманством. В Литовском статуте 1588 года указывается еще один вид их занятий – «дублирование кож», причем все важные источники XVI и XVII вв. единогласно утверждают, что кожевенное дело являлось популярным и основным занятием среди них. В этой сфере они имели хорошую славу, мастерски владели техникой производства. Кроме вышеназванного, татары занимались животноводством, особенно коневодством. В лошадях они знали толк, им не было по этой части равных, их табуны выгодно отличались от других. Они не только умели выращивать, ухаживать за животными, но и виртуозно объезжать их. Причем эти традиции у татар сохраняются до 30-х годов XX в [13].

Очевидно, не случайно, что в городах встречаются татары-коновалы, то есть недипломированные ветеринары. Они не были редкостью, а это означает, что они обладали большими эмпирическими знаниями.

Литовские татары вели и мелкую торговлю: овощами, рыбой, мясом. Однако на этом пути у них были препятствия: не всем разрешалось это ремесло [13: XXV].

Переходя в город и становясь мещанами, татары поступали на службу в городскую милицию, созданную в середине XVII века. Принадлежность части татар к шляхте дала им возможность исполнять функции ассессоров земских и городских судов, а также граничных судей.

Говоря о жизни татар, необходимо отметить, что она складывалась не всегда безоблачно. Их нередко преследовали, они подвергались дискриминации. Об этом свидетельствуют имеющиеся документы.

Обвинения против татар распространялись и поддерживались их недоброжелателями. В связи с этим следует упомянуть о сочинении Н.Чижевского под заглавием «Аль – фуркан Татарский (1616), на сорок частей разделенный» без указания места издания. Оно, как отмечается в Актах литовских татар, наполнено лживыми обвинениями татар во всевозможных суевериях и даже преступлениях [13: XX].

Очередная своеобразная атака на татар предпринимается в 1766 году в виде ревизии королевских экономий, предпринятой по инициативе литовского подскарбия Тизенгауза, с 1765 года являвшегося руководителем Управления экономических добр. Он предпринимает меры к эксмиссии, что приводит к судебным разбирательствам, петициям, спорам, жалобам, тянувшимся до разделов Речи Посполитой.

Естественно, в таких условиях татары выступали с протестами. Им удалось получить поддержку Ксаверия Браницкого, позднее Великого Коронного гетмана, в войсках которого многие из них участвовали в кампании против барской конфедерации.

В 1778-1779 гг. возникло очередное недоразумение между администрацией и татарами. Непосредственным поводом к нему стало требование Тизенгауза о ликвидации квартовой задолженности татарами с 1768 по 1775 год. Вновь пошла волна просьб, жалоб татар, живших в королевских экономиях. Под некоторыми из них стоит и подпись первого из литовских татар генерала Юзефа Беяка.

В июле 1779 года татар поддержал брат короля Станислав Понятовский, под началом которого служил полковник Азулевич, а также Браницкий.

Дело кончилось тем, что в октябре 1779 года король освободил татар, живших в экономиях, от выплаты задолженности кварт.

Окончательно вопрос был решен сеймовой конституцией 1786 года, на основании которой все имения татар в экономиях были признаны наследственными. За управлением экономии оставалось право выкупа татарских земель. Кроме того, татары могли селиться в двух обозначенных староставах – в Короне и Литве.

К вопросу выкупа татарских земель сейм вернулся в 1793 году, создал для этого комиссию из трех человек, которая должна была оценить стоимость добр татар, уровень получаемых ими доходов и указать эквивалентные земли в староставах. Однако политические события сорвали работу той комиссии [3: 57].

Но, пожалуй, наиболее ярким примером определенной дискриминации татар явилось нежелание признавать за ними шляхетства.

Ни одно из правовых положений не трактует татар как шляхту. Татары, независимо от вероисповедания, не были участниками сеймиков, не исполняли и не могли исполнять управленческих функций. В решениях сеймиков четко подчеркивается общественно-правовая разница между ними и шляхтой. Татары не могли исполнять депутатских функций и не имели влияния на содержание депутатских инструкций. За ними оставили возможность предоставления своих просьб и требований в Сейм. С 1786 года они могли это делать при посредничестве военного департамента [14: 355].

Было бы неверным, говоря о дискриминации нации, забывать о тех привилегиях, кото-

рые периодически получали татары. Они были, например, им предоставлены Владиславом IV и далее подтверждены и расширены всеми последующими королями – Я.Собеским, Августом II и III и, наконец, Станиславом Августом Понятовским, который в 1779 году приказал выдать «экстракт его из книг метрики канцелярии Литовской, приложив к нему печать княжества» [6: 466-467]. Кроме того, права и вольности литовских татар неоднократно подтверждались и сеймовыми конституциями в 1656, 1668, 1670, 1673, 1674, 1677, 1678, 1726, 1736 гг. и в последний раз в 1775 г.

В соответствии с ними, татары, например, за исключением живших на королевских землях, могли свои имения продавать, дарить, менять, отдавать в залог и вообще извлекать из них всевозможные выгоды. В Актах литовских татар имеется масса документов, которые представляют собой сделки разного рода по владению имениями.

При присоединении литовских провинций к Российской империи по последнему разделу положение татар не изменилось. Все последовавшие законоположения «отличались покровительством и благоволением к ним». Императрица Екатерина II Величайшим указом от 30-го октября 1794 года повелела генерал-губернатору князю Николаю Васильевичу Репнину между прочими не оставить без обеспечения поселенных в литовских областях татар. «С благовременным прохождением всех частей возлагаемого на вас служения не оставьте вы без замечания поселенных в Литовских областях Татарского племени войск, яко производящих от народа храброго и прямодушного, а через то наше Высочайшее об них попечение привлекающих: понеже чаем в них обрести отрасли тех добрых качеств, коими народ Татарский нам известен; для сего поручаем вам, приняв от них вместе с прочими Литовскими жителями на верность Нам присягу, утвердить их в их собственности и преимуществах, и все их общество Нашим священным словом ободрить, что не только оставляем их в свободе от правлять свое богослужение и при всем том, что в Литве они имеют, но желаем обезпечить их состояние, паче оное осчастливить; и на сей конец ожидаем от вас представления, что по изведании настоящего их положения, найдете способным к углублению их выгод и им наиболее нужных» [15: 572, 845].

В декабре 1795 года появляется новое подтверждение. После смерти Екатерины II это сделал Павел I (ноябрь 1976 г.).

В 1797 году из литовских татар формируется особый десятиэскадронный кавалерийский полк, названный Пинским [15: 523].

Через два года последовал указ об оставлении на прежнем основании разных наций, поселившихся в Литовской губернии [15: 573].

Литовские татары не составляли особой, отдельно живущей этнографической группы, жили вперемешку с белорусами и литовцами, почти ничем от них не отличаясь и не признавая за собой даже названия «татарин». «Мы не татары, но шляхта мусульмане, – говорили они, – и татарами нас называют только крестьяне» [13: XXII].

Живя долгое время среди иных народов (поляки, русские, белорусы, литовцы), татары совершенно забыли родной язык, что вполне объяснимо, ибо русский язык являлся не только официальным языком управления, но также полностью доминировал в экономической и повседневной жизни на значительной территории Великого Литовского княжества. Все документы в этой части польско-литовского государства оформлялись по-русски до XVIII века, исключая Подляское воеводство, где шляхетский сеймик ввел польский язык раньше.

Потере языка способствовало и то, что татары вступали в браки с иноверками [5: 32].

Влияние русского языка заканчивается в конце XVI века. С начала следующего века мусульман охватывают процессы полонизации, особенно татарскую элиту – помещиков. Именно они имели наибольшие контакты с польским окружением и польской культурой, долгие годы находились в армии, будучи на королевской либо магнатской службе. Во второй половине XVII века, как пишет Я.Тышкевич, большинство польско-литовских татар подписывались уже польско-литовской вершей (75%), и этот процесс значительно углубился в XVIII веке. В Великом княжестве Литовском развивается обучение на польском языке, но чаще всего полонизация здесь происходила по выбору. Обучение на польском в приходских школах происходило в соответствии с положением родителей, которые могли потребовать преподавания русского либо литовского языков. Не хватало людей, знакомых с арабским алфавитом и языком.

Следовательно, как констатирует автор, после более раннего периода русификации (язы-

ково-культурной) начинает наступать полонизация и индивидуальная ассимиляция, переход в христианство (XVII – начало XVIII в.) [5: 32].

Вместе с тем в повседневной жизни татары сохраняют самобытность, которая отличает их от окружающих. Особенно в этом преуспевает богатейшая часть татарских помещиков.

У татар сохранились также «черты лица, говорящие о восточном их происхождении».

По Мухлинскому, татары «по большей части высокого роста, стройны, черноволосы цвет лица смуглый, черты лица правильные, физиономия и осанка выразительны. Женщины делаются заметно блее в сравнении со своими прабабками, и отличаются скромностью» [16: 47-49].

Что касается одежды, то в Актах литовских татар о ней пишется следующее: «Она ничем не отличается от одежды их соседей белорусов и литовцев, только женщины предпочитают более пестрые цвета для своего платья. Сравнительная зажиточность их выражается, между прочим, в том, что они не употребляют лаптей, как это, почти сплошь, делают белорусы, а ходят всегда в сапогах, а женщины и девушки в башмаках с красными и желтыми каблуками» [13: XXIII].

Татары, живущие в деревнях, строили дома, амбары и другие хозяйственные постройки по типу, общеупотребительному в крае, причем у сравнительно зажиточных изба делилась на две половины – чистую и черную: первая (светлица, гридня) с деревянным полом служила для приема гостей, для семейных торжеств и т.п.; вторая – с глиняным полом, не выбеленная, полутемная – служила местом для выполнения всех обычных, домашних, хозяйственных работ. У бедного татарина избышка состояла из одной жилой комнаты и часто бывала курною, т.е. без трубы.

Внутренняя обстановка была такая же, как у крестьян и мелкой шляхты.

Усадьба татарина всегда огораживалась, под окнами – палисадник с обыкновенными деревенскими цветами. Почти при каждом доме существовал садик с фруктовыми деревьями.

Вообще, отмечается в Актах, вся обстановка литовского татарина свидетельствовала о его сравнительной культурности, несмотря на то что и между ними есть лица совсем неграмотные [13: XXII].

Литовские татары, будучи магометанами, строго соблюдали одноженство.

Кроме смешанных браков были и кровные. Чаще всего они заключались между знакомыми семьями Крымского каганата, особенно в XVII-XVIII веках. В так называемом Китабе Милкамановича (1781 г.) содержится наказ совершать браки между лицами, исповедовавшими ислам. Можно утверждать, что стержнем польско-литовских татар, являлись, как правило, семьи полностью мусульманские [17].

Что касается личных качеств татар, то они как у Мухлинского, так и в Актах оцениваются весьма высоко. Отмечается их благородство в обращении, кротость и воздержанность, большое гостеприимство, добродушие, ласковость, рассудительность в разговорах, трудолюбие. Они отличаются «замечательной честностью и неуклонным исполнением раз данного слова или обещания», трезвостью, умением жить в согласии с другими жителями, при этом не сливаясь с ними, придерживаясь родового местничества, мягкостью и гуманностью в общении с женой и детьми, чем выгодно отличаются от своих соседей шляхтичей – христиан [18: 641; 13: XXV]. Между ними редко бывают ссоры и вражда. Они, как отмечает Мухлинский, почти никогда не были изобличены по уголовным делам [16: 36, 48, 49].

Одной из главных черт, отличавших татар от окружающих, была религия, которую они сохранили с момента появления в Великом Литовском княжестве. Это была сфера, наиболее обращавшая на себя внимание.

На протяжении всей жизни в Великом Литовском княжестве и в последующем татары исповедовали ислам суннитского толка.

В соответствии с традициями толерантности, в местах большого скопления татар появляются первые мечети.

В XVII-XVIII вв. было построено около 20 новых святынь, одновременно действовали ранее возведенные.

Как отмечается в Актах о литовских татарах, мечети «в татарских поселениях очень скромные здания, большей частью деревянные».

Мечети, молитвенные дома являлись своеобразными центрами религиозной жизни татар, центрами магометанских приходов (гмин).

Во главе каждого прихода стоял мулла (имам). Следует отметить, что в Литве второе определение не привилось. В источниках муллу чаще называли молна, реже – татарский ксендз или татарский поп. Он, как правило, избирался прихожанами. В XVI-XVII вв. были случаи, ко-

гда муллы прибывали с Крыма, они были более образованными. Однако следует отметить, что значительная часть священнослужителей проходила подготовку дома.

Мулла является как бы доверенным лицом своих прихожан, их представителем по отношению к различным органам власти. На эту должность, как правило, выбирали человека пожилого, умеющего читать и писать по-русски и, главное, знающего несколько арабский язык.

В своей среде мулла исполнял роль нотариуса, заверял завещания, залоговые письма, хранил документы. С середины XVI в. он справлял также гражданские акты: регистрация брака и рождения. Татарские духовники принимали регулярно присягу от своих единоверцев в суде или в армии. По закону мулле было предоставлено право исполнения некоторых чисто судебных функций; так, например, разбор дел о неповиновении детей родителям, разрешение споров о частной собственности, возникающих между магометанами по духовным завещаниям или при разделе наследственного имущества и т.п., но в действительности прихожане редко обращались к муллам, предпочитая судиться в судебных учреждениях [13: XXV].

Кроме мулл, в ряде приходов имелись и муэдзины. Это они призывали своим голосом верующих к молитве в мечети либо с минарета, где он был, либо обходя улицы. Делалось это потому, чтобы таким способом активнее обязать всех верующих к посещению святыни, а кроме того учитывалось, что голос муэдзина не мог быть услышан в далеко расположенных домах [19: 251-252, 256-257].

На протяжении многих столетий верующих мусульман стремились обеспечить религиозной литературой. Очевидно, не случаен тот факт, что еще в конце XVI столетия в Литве находились рукописные тексты Коранов, «написанные очень красивым почерком». Кроме них имелись молитвенные и другие сочинения религиозного содержания с переводом на польский язык. Среди них попадались книги и на русско-литовском и русско-украинском наречиях, причем, как отмечает Мухлинский, «в довольно значительном количестве, так что можно было бы составить из книг этого рода маленькую библиотеку, и это также доказывает, что наши татары любили заниматься науками, и были даже между ними сведущие в мусульманском богословии» [16: 29].

В польско-литовском государстве сторонниками ислама в его правоверной форме (сунниты) были почти исключительно татары. Как относительно немалая группа, сохраняя контакты с побратимами из Крыма и Поволжья, она организовывала свою религиозную жизнь на постоянных правовых основах и обычаях. Можно смело говорить, что свое культурно-этническое отличие в течение многих веков литовско-польские татары сохранили, главным образом, благодаря культивированию ислама. Религиозный фактор объединял их в гмине, позволял сохранять отличительные обряды, позволял заключать браки в собственном кругу верующих [20: 281-282].

Завершая статью, отметим, что в пределах бывшего Литовского государства татары никогда не составляли сколько-нибудь значительного элемента среди других народностей. Они никогда не предъявляли никаких претензий на политическую самостоятельность. Очевидно, не случайно, что коренные жители всегда жили с ними в мире и согласии.

Со своей стороны, литовско-польские правительства, тратившие много сил и энергии на борьбу с православным русским и иудейским (еврейским) элементами и видевшие в них врагов своей государственности, в татарах высоко ценили их лучшие качества, усматривая в них верных исполнителей своих предначертаний и не лишали благосклонного своего внимания и покровительства, периодически давая им разные вольности и права. Так же в целом поступали и царские правительства после разделов Речи Посполитой.

Литература

1. *Baranowski B.* Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632-1648, *Prace Instytutu Historycznego Uniwersytetu Łódzkiego*, 1949, S.73-77; *tenże*, Organizacja wojska polskiego w latach trzydziestych i czterdziestych XVII wieku. *Wrocław*, 1957, S. 110-111; *Rocznik Tatarski*. T.I. 1932. 364 p.
2. *Sobczak J.* Położenie prawne ludności Tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewskim. *Warszawa*. 1984. 133 p.
3. On ze. Tatarzy w służbie Rzeczy Pospolitej w drugiej połowie XVII w. i w XVIII wieku. *Czasopismo prawno-historyczne*. T. XXXIX. 1987. zeszyt 1. S. 42-43; *Loziński W.* Życie polskie w dawnych wiekach, *Kraków*. 1974. 259 p.; *Czapliński W. Długosz J.* Życie codzienne magnaterii polskiej w XVII w. *Warszawa*. 1976. 266 p.
4. *Żdan M.* Kilka słów o śladach Tatarszczyzny na terytorium województwa łwowskiego, *Rocznik Tatarski* t. 2, 1935. S. 396-399; *Jacewicz A.* Zapomniana wieś tatarska Ochmatków, *Życie Tatarskie*. 1936. nr. 3. S. 67-68; *Kryczyński*, Tatarsko-tureckie osadnictwo na ziemi mieleckiej, *Rocznik Tatarski*. T. 1. 1932. S. 227-278.
5. *Bogdanowicz L., Chazbijewicz S., Tyszkiewicz J.* Tatarzy musulmani w Polsce. *Gdańsk*, 1997. 204 p.
6. *Ланно И.И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569 – 1586). *СПб*, 1901. Т. 1. 780 с.
7. *Kryczyński S.* Kronika wojenna tatarów litewskich. // *Przegląd Humanistyczny*. 1984. Tom 28. 2 (221). S. 119-123.
8. *Herbst S.* Wojna inflancka 1600 – 1602. // *Rozprawy Historycznego Towarzystwa Naukowego Warszawskiego*. T.XIX. Z.2. *Warszawa*. 1938. 194 p.
9. *Dziadulewicz S.* Herbarz rodzin tatarskich w Polsce. – *Wilno*. 1929. S. 337, 349, 361; *Kukiel M.* Zarys historii wojskowości w Polsce. – *Kraków* 1929, S. 55-56.
10. *Kryczyński S.* Generał Józef Bielak // *Rocznik Tatarski*. T. 1. 1932. 364 p.
11. *Baranowski B.* Znajomość Wschodu w dawnej Polsce do XVIII wieku [Knowledge about the East in old Poland before the 18th century]. *Łódź*: Drukarnia wydawnictwa Prasa Wojskowa Publ., 1950. 516 p. (in Polish.)
12. *Konopczyński W.* Polska a Turcja. 1683–1792. *Warszawa*. 1936. 316 p. *Kryczyński L.* Tatarzy polscy a wshod Musulmanski // *Rocznik Tatarski*. T.2, 1925. S.1-130.
13. Акты литовских татар. Вильна: «Русский почин», 1906. Т. 31. 66 с.
14. *Sobczak J.* Z zagadnień spornych osadnictwa tatarskiego w Wielkim Księstwie Litewskim // *Acta Baltico-Slavica*. 1990. T. XIX. S. 341-360
15. Полное Собрание Законов. Т. XXXIII. № 17, 264. С. 572 и Манифест от 14 декабря 1795 года №17, 418. С. 845.
16. *Мухлинский А.* Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. *Санкт-Петербург*, 1887. 56 с.
17. *Lapicz Cz.* Kitab tatarów litewsko-polskich. Paleografia, grafika, język. *Toruń*: Wydawnictwo Naukowe UMK, 1986.
18. *Довнар-Запольский М.* Государственное хозяйство Великого Литовского княжества при Ягеллонах. Т. 1. *Киев*, 1901. 807 с.
19. *Muchliński A.* Zdanie sprawy o tatarach litewskich // *Teka Wilenska*. *Wilno*, 1858. №4. 137 s.
20. *Tyszkiewicz J.* Tatarzy na Litwie i w Polsce: studia z dziejów XIII–XVIII w., *Warszawa* 1989. 343 s.

XVII – XVIII ГАСЫРЛАРДА ПОЛЬША-ЛИТВА ТАТАРЛАРЫ

Яков Яковлевич Гришин,
Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
grishin.42@mail.ru.

Мәкалә Польша-Литва татарларының XVII-XVIII гасырлардагы тарихын тикшерүгә багышланган. Төп игътибар аларның башка төбәкләргә күчереп утырту вакытындагы социаль аерымлануына, төп һөнәрләренә, хокукий кысылуларына һәм өстенлекләренә, теленә, көнкүрешенә, гореф-гадәтләренә һәм диннәренә юнәлтелә.

Төп төшенчэләр: Речь Посполитая, Таж, Тизенгауз, Понятовский, күчереп утырту, татар милке, татар хоругвалары.